

«ТЕСТ» НА ПРОЧНОСТЬ

НАЦИОНАЛИЗИРОВАНИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ИМПЕРИЙ

Олег БУХОВЕЦ,
доктор
исторических наук,
профессор

Строительство современных наций – государств в Европе началось в ходе Великой французской революции и наполеоновских войн. Именно Французская революция наделила нацию принципиально новым смыслом и осуществила замену самого субъекта нации. Осуществив революционный акт отождествления нации и народа, Франция попыталась привнести этот принцип «на кончиках штыков» в Испанию, Германию, Италию и в другие страны, всюду, куда дошли французские войска. «Национализирование» Европы вызвало, как это продемонстрировали наполеоновские войны, столь же сильную националистическую реакцию, которая и положила начало эре национализма.

В начале исповедовать новые ценности нации оказалось в состоянии лишь образованное меньшинство. Чтобы последнее превратилось в большинство, понадобилась целая историческая полоса, на протяжении которой силами ученых и деятелей культуры создавались национальные «мифо-символические комплексы». Остро конкурируя друг с другом, они, вместе с тем, содержали и типологически важные общие черты. Во-первых, нации изображались в них не как современное политическое оформление культурных различий, а как нечто существовавшее «от века». Во-вторых, они содержали в себе идею «пробуждения» нации, неизбежно наступающего после длительного исторического «сна». В-третьих, предполагалось неперенное наличие внешних и внутренних недругов, не заинтересованных в таком «пробуждении» [1, с. 206; 2, с. 173].

Абсолютно незаменимым «ноу-хау» для создания мифо-символических комплексов послужило изобретение так называемых «национальных традиций». Решающая роль в этом принадлежала националистической «колонизации истории, исходящей из современности» [3, с. 256; 4, с. 68]. В ее новаторской парадигме «рекомбинация» исторического материала позволяла, в зависимости от конкретных задач по «изобретению», либо «вспоминать» то, чего в истории не было, либо «забывать» в ней то, что было [2, с. 192].

Массовизация идеи «народа – нации» (Volknation) потребовала идентификационной индоктринации широких слоев населения. Для этого стали необходимы не просто глубокие, но именно системные изменения в политическом менталитете масс. Прежде всего, потребовалось распространение и укоренение в народе коллективного имени собственного: «мы – французы», «мы – итальянцы», «мы – немцы» и так далее. Ведь даже во второй половине XIX века во Франции (с ее многовековым централизованным государством!) «всякий новопоселенец, даже прибывший из соседней округи, был чем-то вроде «иностранца», вызывавшим подозрение и враждебность [6, р. 90]. А в Италии и Германии в это время национальные государства вообще были только созданы, и там национальная задача формулировалась достаточно парадоксально: «Мы создали Италию, теперь нам нужно создать итальянцев» [7, с. 335]. Применительно к Германии в этой формуле нужно лишь заменить «Италию» и «итальянцев» на «Германию» и «немцев». Объективно еще более сложной была аналогичная задача для народов Австро-Венгрии, России и Османской империи, не имевших своих национальных государств вплоть до конца Первой мировой войны. Далее, требовалось внедрение в массовое сознание мифов об общих предках и патриотических версий «общенацио-

нального» исторического прошлого. Понятно, что обеспечить это в домодернизационный период Нового времени было невозможно. Лишь во второй половине XIX века в Западной и Центральной Европе, в ходе осуществления программы всеобщего обучения, продиктованной потребностями модернизации, появились условия для форсированной националистическо-патриотической идеологии населения.

Составляющими успеха проекта «народа – нации» выступают также повсеместное использование населением государственного языка, возникновение в массовом сознании образа общей «родной земли», появление в менталитете народа чувства общенациональной солидарности. В домодернизационный период, с характерным для него количественным преобладанием замкнутых на себя и в основном неграмотных сельских «миров», слабой сетью общегосударственных коммуникаций, обеспечить это оказалось в полной мере невозможным. Даже в давно существовавших централизованных государствах.

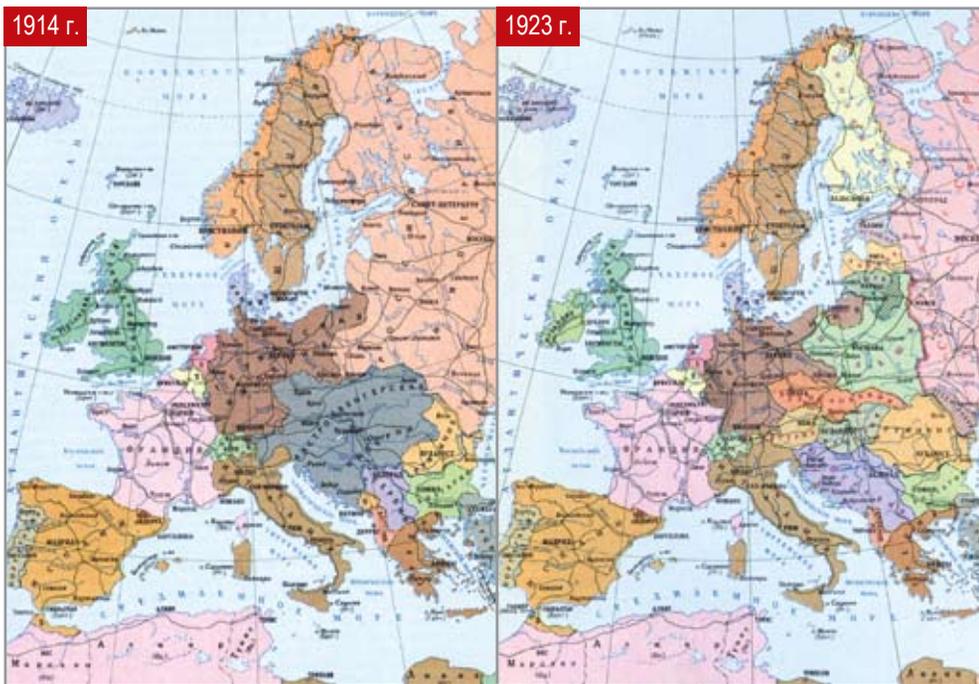
В частности, во Франции централизация в языковой политике начала осуществляться еще за несколько столетий до XIX века. Королевские указы 1539 и 1738 годов фиксировали притязания французского языка на исключительное применение, а Национальное собрание в 1792 году сделало его символом национального единства Франции [5, с. 166]. И, тем не менее, даже в начале 1860-х годов почти четверть учеников не знала французского, а многие дети школьного возраста либо вообще не понимали литературного языка, либо понимали, но не могли на нем писать, поскольку местные диалекты существенно отличались от нормативного языка. Как отмечают исследователи, правительству Третьей республики в ходе специальных обследований открылась парадоксальная картина: «Для **половины** граждан страны французский оставался **иностраным языком** (выделено мною. – Авт.)» [6, р. 69–70].

Еще более острые проблемы в этом случае стояли перед этнически «чересполосной» Австро-Венгрией и созданными по «политическому расчету», но культурно весьма неоднородными Германией и Италией. При всем этом верх брали, в конечном счете, такие факторы модернизации, как индустриализация, урбанизация, культурная революция, совершенствование общенациональной инфраструктуры. В том же направлении, что и во Франции, представлявшей, по типологии У. Альтерматта, первую временную зону национального строительства в Европе, работали процессы модернизации на «национализацию» стран второй (Германия и Италия) и третьей (Австро-Венгрия, Россия и Османская империя), временных зон. Однако, ввиду несходства стартовых условий, были иными и результаты. Так, в Германии, кроме такого осложняющего фактора, как недавнее возникновение единого государства, дело «национализации» существенно затруднялось установкой на строительство этнокультурной нации. Это требовало, прежде всего, нивелирования значительных языковых и культурных различий между субэтническими группами самих немцев путем последовательного продвижения в народ через систему образования и сети массовых коммуникаций литературного немецкого языка. Но унифицирующая роль последнего оказалась успешной только в деле выработки общенемецкого самосознания. Что же касается диалектов, то литературный немецкий язык смог лишь потеснить, но не полностью вытеснить их. Ведь и ныне, в XXI веке, берлинский, саксонский, франконский, северогерманский, баварский и иные диалекты не только пребывают в лингвоприменительном обороте, но даже транслируются на массовую аудиторию как учебный материал.

Немалое значение имело и то, что Германская империя поставила своей целью ассимилировать оказавшиеся в ней многочисленные ненемецкие этнические группы – поляков, лотарингцев, датчан,

БУХОВЕЦ Олег Григорьевич.

Родился в 1949 году. В 1976 году окончил МГУ имени М.В. Ломоносова. Трудовую деятельность начал в 1976 году в Академии наук Беларуси. С 1998 по 2002 год работал в Российском государственном гуманитарном университете. С 2002 года – ведущий научный сотрудник Института Европы Российской академии наук. С 2003 заведует кафедрой политологии в Белорусском государственном экономическом университете. Куратор программ сотрудничества БГУ с вузами Российской Федерации и Российской академии наук. Доктор исторических наук, профессор. Автор более 80 научных работ, в том числе 5 монографий. Сфера научных интересов: социальная история Российской империи, политология, демография.

Изменение политической карты Европы после Первой мировой войны

мазуров, литовцев, чехов, кашубов и сорбов. Особенно жесткая политика германизации осуществлялась в отношении самого многочисленного меньшинства – поляков. К примеру, в 1901 году на польском языке были запрещены преподавание в народных школах и даже религиозные службы. По отношению ко второму по численности этническому меньшинству – лотарингцам – программа их германизации проводилась несколько мягче. Но и здесь, в Эльзас-Лотарингии, после ее присоединения к Германской империи началось планомерное «выдавливание» французского языка и культуры. Однако, несмотря на всю жесткость, политика германизации не сумела преодолеть упорного сопротивления меньшинств. Поэтому, в силу общего неуспеха подобной политики, Германия длительное время оставалась «неполным национальным государством» [5, с. 165].

Сказанное относится и к Италии. Ей также не удалось достичь существенного успеха в деле интеграции неитальянских этнических меньшинств, равно как и нивелировать субэтнические различия, да-

бы обеспечить примерно тот же уровень культурной унификации, которого достигла тогда Франция. Экономическая, социальная, духовно-ментальная дистанция между итальянским Севером и Югом, сохраняющаяся и поныне, все еще остается источником постоянной внутривосточной напряженности. Чего, хотя бы, стоит получивший широкую известность проект, предусматривающий выход из состава Италии «Республики Падания», состоящей из территорий, расположенных в долине реки По.

В третьей временной зоне национального строительства – империях Восточной и Центральной Европы – феномен «национализации» характеризовался ярко выраженной многомерностью, разновекторностью устремлений, куда большим драматизмом событий и катастрофичностью результатов. Самой пестрой по этническому составу была «лоскутная» Австро-Венгрия». В 1840-е годы Австрия – «первая среди равных» государствообразующих «наций» империи – взяла курс на германизацию населения и укрепление централизма. Однако этот курс был неприемлем для «второй среди равных» – Венгрии. В ответ на замену Венной латыни немецким в качестве официального языка Королевство Венгрия объявило государственным венгерский язык. В империи началась «битва языков», под знаком которой проходила вся вторая половина XIX – начало XX веков. В качестве главных рычагов «национализации» выступали образование на венгерском языке, массовое распространение историко-патриотических знаний, пропаганда национального фольклора, расширение ареала венгерской культуры посредством ассимиляции этнических

меньшинств, осуществляемой методом «кнута и пряника». Магьяризация образования, имен, фамилий и географических названий, «обращение в венгры» как пропуск в правящую элиту и возможность сделать успешную карьеру – все это немало способствовало беспрецедентному расширению ареала венгерской культуры. К примеру, знаменитый поэт Ш. Петёфи, гордо заявлявший «Венгр – я», в действительности был по происхождению словаком.

Форсированной магьяризации содействовали также законы о национальностях (1868) и о народных школах (1879), последний сделал обязательным преподавание на венгерском от детских садов до средней школы [5, с. 170, 171]. Динамично магьяризовалось высшее образование. В дополнение ко второму по значимости в империи Будапештскому университету между 1872 и 1912 было открыто еще три [5, с. 171].

Весьма способствовала «национализации» и урбанизация. «Плавильным котлом магьяризации» для переселявшихся сельских жителей служили тогдашние города [5, с. 172].

Иную модель «национализации» избрали чехи. Главные рычаги – народное образование, культура, средства массовой коммуникации, урбанизация – в экономически и культурно более передовой и динамичной Чехии могли быть использованы интенсивнее и результативнее, чем в Венгрии. Чешский опыт в этой области может рассматриваться как модельный. Если в 1853 году еще не было ни одного лицея, то в 1913-м функционировали 63 гимназии и 45 технических учебных заведений [5, с. 91]. Крестьян, переселявшихся в города, встречала налаженная система образования на родном языке. Города, столетиями служившие центрами немецкой культуры, поразительно быстро «чехизировались». Консул Германии в Праге писал в 1898 году: «В то время, как еще 25 лет назад тип города был совершенно немецким, сегодня Прага, без сомнения, совершенно чешский город» [5, с. 166].

В какой степени соответствующие явления получили распространение в Российской империи? Конец XIX – начало XX веков были для нее временем быстрого развертывания процессов модернизационного типа – индустриализации, урбанизации, динамичного развития всех видов образования. Вместе с тем, учитывая их низкие стартовые характеристики, происходящие процессы вряд ли можно было назвать модернизацией. Это, скорее, была предмодернизация. Ведь, несмотря на мощную динамику индустриального развития, в 1913 году промышленность России обеспечивала лишь 27 % национального дохода. Сравнительно невысокими оставались темпы урбанизации: к 1913 году доля городского населения составляла лишь 15 %. Противоречиво проходила и культурная модернизация. После первой всеобщей переписи населения 1897 года, показавшей, что 72,3 % жителей оставались неграмотными, государство начало наращивать усилия по развитию народного образования. Однако ресурсов для введения всеобщего начального образования так и не нашлось вплоть до крушения императорской России [8, с. 284–305].

Ввиду дефицита модернизации иными возможностями располагал и национализм.

Таблица. Этническая структура населения крупнейших городов запада и юго-запада Российской империи в конце XIX – начала XX веков (основные этнии)

Города	русские	украинцы	белорусы	поляки	евреи	молдаване	русские и евреи
Вильно	20,0	0,3	-	30,9	40,0	-	60,0
Минск	34,8	-	8,2	11,4	43,3	-	78,1
Киев	54,2	22,2	1,1	6,7	12,1	-	66,3
Харьков	63,2	25,9	0,4	2,3	5,7	-	68,9
Екатеринослав	41,8	15,8	1,2	3,0	35,4	-	77,2
Одесса	49,1	9,4	-	4,3	30,8	-	79,9
Кишинев	27,0	3,1	-	3,0	45,9	17,6	72,9

Источник: Kappeler A. *Op. Cit.* S. 22, 327; Шибeko З.В., Шибeko C.Ф. *Минск: страницы жизни дореволюционного города. Минск. 1990. С.11.*

Правда, роль последнего как «незапланированного спутника» модернизации представляется специалистам спорной. Одни «вменяют» ему функцию содействия модернизации, другие считают, что он нередко использовался и против нее [1, с. 213]. Бесспорно, однако, другое: национализм не преуспееет, если в его распоряжении не будет ресурсов в виде модернизационных процессов. А в Российской империи эти ресурсы были куда меньшими, чем в схожей с нею по политэтничности Австро-Венгрии.

Абсолютно необходимым условием «национализации» служит народное образование. В деле обретения населением элементарной грамотности Россия сильно уступала даже Австро-Венгрии, не говоря уже о других европейских странах. В 1914 году в ней на 1 тыс. жителей приходилось 59 учащихся, тогда как в Австро-Венгрии – 143, в Великобритании – 152, а в Германии – 175 [8, с. 387]. Например, то обстоятельство, что на пороге XX века более 58 % поляков Российской империи в возрасте старше 10 лет оставались неграмотными [9, с. 331], существенно сдерживало массовизацию польской национально-государственной идеи. А ведь именно поляки, имея собственную «аристократическую нацию», литературный язык и высокую культуру, как раз и представляли собой наиболее «перспективный» в отношении «национализации» этнос Российской империи. Факторами, безусловно тормозившими «национализацию», были также слабая урбанизированность различных этносов России и сохранение в ней сословного строя. Если взять другие наиболее «перспективные» этнические меньшинства западной части империи, то окажется, что на пороге XX века к крестьянскому сословию еще принадлежали 95 % эстонцев, 94,9 % латышей и 93,3 % литовцев [9, с. 328]. Отсутствие даже у названных выше «перспективных» этносов собственной элиты, своего городского среднего класса, их превалирующая «крестьянскость» и низкий уровень ур-

банизированности – все это предопределило запаздывание «национализации» этнических меньшинств по сравнению с той же Австро-Венгрией.

Однако вспыхнувшая в 1905 году революция решительно изменила положение. Национальные активисты сумели «перезагрузить» доминировавшую социальную энергетику революции на «работу» по «национализации». В результате локализованные до того «национальные идеи», начиная с весны – лета 1905 года, превратились в феномен массового общественного сознания.

Красноречивое подтверждение тому – буквально повальное принятие в 1905–1907 годах латышскими, литовскими и эстонскими сельскими общинами и волостями петиций, содержащих широкий набор национально-культурных требований [10]. Иначе говоря, революция обеспечила переход национального движения, если пользоваться типологией М. Гроха, из фазы В (патриотическая агитация) в фазу С (массовое политическое движение) [11, с. 125]. Массовизация прибалтийских национальных движений, в свою очередь, сопровождалась их политической радикализацией. Впрочем, тогда планы националистов еще не шли дальше национально-культурной и административно-территориальной автономии.

Сильное воздействие на ход и исторические результаты «национализации» всех автономных этносов в западных и юго-западных регионах России оказало сосредоточение в них, благодаря правительственной политике («черта оседлости»), основной части пятимиллионного еврейского населения. В конце XIX – начале XX веков удельный вес евреев в Кишиневе составлял почти 45,9 %, в Минске – 43,3 %, в Вильно – 40 %, в Екатеринославе – 35,4 %, в Одессе – 30,8 %, тогда как молдаван, белорусов, литовцев и украинцев проживало в названных городах соответственно 17,6 %, 8,2 %, 2 %, 15,8 % и 9,4 % [9, с. 22, 327; 13, с. 11]. А поскольку на протяжении XIX века, осо-

ЛИТЕРАТУРА

1. Бройи, Дж. Подходы к исследованию национализма / Нации и национализм // Дж. Бройи. – М., 2002.
2. Геллнер, Э. Пришествие национализма / Мифы нации и класса / Нации и национализм // Э. Геллнер. – М., 2002.
3. Смит, Э.Д. Национализм и истории / Нации и национализм // Э.Д. Смит. – М., 2002.

бенно после реформ Александра II, происходила, в первую очередь в наиболее крупных городах, ускоренная культурная модернизация евреев, интеграция с господствующей культурой империи делала их уже не только носителями, но и проводниками русского языка и культуры. Немалую роль играло и то, что в крупнейших городах запада и юго-запада – от Литвы до Бессарабии и юга Украины – доля самого русского населения не опускалась ниже одной пятой (Вильно) и четверти (Кишинев).

Как явствует из таблицы, даже самый скромный, относительно других городов, удельный вес евреев и русских в Вильно – это, что ни говори, три пятых всего его населения. В Киеве, Харькове и Кишиневе доля русских и евреев составляла уже до двух третей и более, а Екатеринослав, Минск и Одесса вообще без малого на четыре пятых были русско-еврейскими. Поэтому переселявшимся в эти города в поисках лучшей доли белорусским, украинским, молдавским и литовским крестьянам предстояла своеобразная культурно-языковая «переналадка». У молдаван и, тем более, у литовцев этот процесс тоже проходил изначально, хотя, естественно, не с такой скоростью, как у белорусов и украинцев: ведь их отделяла от русских куда большая культурно-языковая дистанция. После отпадения Литвы и Бессарабии от России в результате Первой мировой войны и революции данные процессы, как известно, пошли там вспять.

Неудача, постигшая позднее белорусские и украинские национальные силы в деле создания независимых Украинской и Белорусской народных республик, была, прежде всего, результатом отсутствия в массовом сознании украинцев и белорусов образа России как «Иного». Убедительнейшим подтверждением справедливости такого вывода могут служить их петиции в адрес царя, правительства, обращения и указы избирателей депутатам Государственной думы от Белоруссии и Украины. В це-

лом в них присутствует широчайший спектр тем экономического, финансового, политического, культурного, национального, религиозного свойства, поднимавшихся перед властями жителями всех белорусских и украинских губерний в 1905–1907 годах. И при этом на почти две тысячи проанализированных нами документов, приходится лишь считанные единицы от этнических белорусов и украинцев («малороссов»), в которых авторы говорят о себе в той или иной связи именно как о «белорусах» и «малороссах». В подавляющем же большинстве петиций и наказов их авторы прямо идентифицируют себя с «русскими людьми» и «людьми русского происхождения».

Беспрецедентная скорость, с которой национальная идея овладела народами и благодаря которой она стала к началу XX века безусловной нормой, была бы невозможна без фундаментальных изменений в народном сознании в Новое время [1, с. 231]. Специалисты в области национальных отношений почти единодушны в понимании природы этих изменений. В условиях, когда у людей пошатнулась вера в то, «что Священное Писание открывает... доступ к истине» и что иерархия в обществе predeterminedена Богом, они, будучи вырванными модернизацией из социально-ролевых ячеек доиндустриального сословного общества, сталкиваются в новом для них мире с идеей нации, которая «да пребудет вечно!» [5, с. 51].

Данной идее суждено было стать для нового – социально диффузного, анонимного, атомизирующего мира секулярной религией. «Нация», которая по природе своей является, как это показал Б. Андерсон, «воображаемым сообществом», укореняясь в массовом сознании благодаря деятельности интеллектуалов, превращалась затем в фундамент социокультурной связанности и групповой интеграции, в реальную основу продуцирования многочисленных образов «Иного» – этносов, культур, конфессий. ■

4. Тишков, В.А. *Нация: теория и политическая практика / Взаимодействие политических и национально-этнических конфликтов (Материалы Международ. Симпозиума 18–19 апр. 1994 г.)*. В.А.Тишков. – М., 1994. – Ч. 1.
5. Альтерматт, У. *Этнонационализм в Европе / У. Альтерматт*. – М., 2000.
6. Weber, E. *Peasants into Frenchmen/ The Modernization of Rural France 1870–1914 // E. Weber – Stanford, 1976.*
7. Хобсбаум, Э. Дж. *Принцип этнической принадлежности и национализм в Европе / Нации и национализм // Э. Дж. Хобсбаум*. – М., 2002.
8. Миронов, Б.Н. *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.) / Б.Н. Миронов*. – СПб., 1999. – Т. 2.
9. Kappeler, A. *Russland als Vielvölkerreich. Entstehung – Geschichte – Zerfall / A. Kappeler*. – München, 1992.
10. *Российский государственный исторический архив (РГИА) в Санкт-Петербурге/ Ф. 1282*. – Оп. 1. – Д. 1191.
11. Грох, М. *От национальных движений к полностью сформированной нации: процесс строительства нации в Европе / Нации и национализм // М. Грох* – Москва, 2002.
12. Шибeko, З.В., Шибeko, С.Ф. *Минск: Страницы жизни дореволюционного города / З.В. Шибeko, С.Ф. Шибeko*. – Минск, 1990.
13. Буховец, О.Г. *Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века / Новые материалы, методы, результаты // О.Г. Буховец*. – М., 1996.